

Итак, ценностный подход вполне может быть не только методологическим, но и мировоззренческим основанием практик брендинга территории. ИмPLICITно он содержится в существующих теориях брендинга, но отсутствует в профессиональной саморефлексии тех, кто осуществляет коммуникативные действия в этом направлении. Необходима определенная разъяснительная работа, которая лишит эти действия схематизма и однообразия, а также позволит разработать бренды, максимально адекватные ценностным параметрам их аудиторий.

В практике разработки и продвижения брендов малых городов ценностный подход приобретает особое значение, поскольку внутренняя аудитория города особо чувствительна к колебаниям его ценностного микроклимата. Поэтому специалисты-практики по продвижению городов должны закладывать определение ценностных оснований платформы бренда в качестве обязательного элемента алгоритма создания и продвижения бренда города.

В. А. Гайкин (*г. Владивосток*)

Уходящий пленэр

Этот двухэтажный деревянный особняк в лесном пригороде Владивостока (станция «Санаторная») разрушается, брошенный на произвол судьбы, как старый больной бомж, за плечами которого жизнь, наполненная событиями, населенная яркими персонажами, сыгравшими в прямом и переносном смысле значительные роли в мировой культурной и политической жизни.

Дом построен приморским олигархом Борисом Бринером и использовался в качестве дачи. Его отец Жюль Бринер (выходец из Швейцарии) в 1902 г. продал царскому правительству лесную концессию в верховьях пограничной реки Ялу, что было использовано Японией в качестве одного из поводов для развязывания войны против России (1904–1905 гг.) [5, с. 431]. Борис Бринер, «владелец заводов, портов, пароходов» (в частности, дальнегорских рудников) успел побыть министром Дальневосточной республики. Его империя была национализирована советским государством. И семья сочла за благо в 1931 г. эмигрировать в Харбин [1, с. 60].

Дом помнит озорного мальчугана Юлия (Юла), который стал всемирно известным актером Юлом Бриннером, любимцем зрителей послевоенного кинематографа, американским Робин Гудом из знаменитого вестерна «Великолепная семерка», за чьими подвигами на экране с замиранием сердца следили миллионы советских людей в 1960-е гг.

Особняк пережил революционные потрясения, и в 1930-е годы всемогущий НКВД устроил здесь спецшколу [7]. Ее посещал замнаркома НКВД Г. С. Люшков (самый высокопоставленный перебежчик) перед тем как «уйти» в Японию в 1938 г. Информация, которую он передал, была бесценна: дислокация советских войск, военные шифры, информация о группе Зорге и т. д. Японцы застрелили Люшкова 19 августа 1945 г., после вступления советских войск в Маньчжурию [4, с. 92].

В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон Чжу, в 1946 г. ставший известный всему миру как Ким Ир Сен – лидер Северной Кореи. Впервые я узнал об этом в конце 1970-х гг., работая над диссертацией о борьбе корейцев за независимость (в том числе партизанской борьбе Ким Ир Сена), наткнувшись в «Ленинке» на серьезный японский источник, согласно которому в 1942 г. Ким Ир Сена видели (японские агенты) в районе станции Санаторной [9, с. 76–78]. Я посмеялся над этим вымыслом. Ведь шпионская сеть к этому времени была ликвидирована (в то время я верил в эти сказки). Кроме того Ким Ир Сен в начале 1940-х гг. был всего на всего командиром партизанского отряда в Маньчжурии [8]. И найти средней руки партизанского лидера на бескрайних просторах СССР было гораздо сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Каково же было мое удивление, когда в автобиографии Ким Ир Сена, вышедшей в конце 1980-х годов, я прочитал, что в 1942 г. будущий президент Северной Кореи действительно обучался в советской спецшколе, находившейся в этом месте [3, с. 325]. Какой многочисленной, разветвленной, имеющей устойчивую связь с Японией должна была быть японская разведсеть на территории СССР (в годы войны!), чтобы моментально идентифицировать корейского партизана, появившегося на короткое время на маленькой железнодорожной станции в лесном пригороде Владивостока! Имеет право на существование и другое объяснение столь быстрой фиксации японской разведкой появления Ким Ир Сена на Санаторной – «наводка» Люшкова, обладавшего феноменальной памятью, несколько месяцев диктовавшего японцам по 40 страниц в день. Информацию, которую он «сбросил» японским спецслужбам можно смело назвать «большой энциклопедией НКВД» (и не только).

Как место, связанное с жизнью великого вождя корейского народа дом мог бы стать Меккой для северокорейских туристов, свято чтящих все, что имеет отношение к первому президенту КНДР. Директор Восточной школы Павел Спивак вспоминает: «В первые годы моего директорства... был случай, когда на Санаторной останавливался на несколько часов спецпоезд уже нового лидера Северной Кореи Ким Чен Ира. Санаторная была совместно окутана братскими спецслужбами, а у меня в памяти – серьезные восточные мужчины из-за забора почтительно фотографируют Восточную школу» [6].

В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руководителей Приморского края. После того как Россия «обрела независимость» дом почувствовал, что развязка не за горами. Правда, в 1990-х гг. в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где владивостокские дети получали уроки истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуры. Директор Восточной школы Павел Спивак однажды случайно наткнулся в подвале на человеческие останки. Кем был этот незнакомец? Невольным свидетелем тайн семьи Бриннеров? «Человеком в железной маске», убитым сотрудником НКВД? Сохранив в тайне страшную находку, Павел Спивак снова закопал истлевшие останки [2]. Кому сейчас интересны жуткие тайны XX века. Тем, кто сегодня «у руля» стала не нужна и сама Восточная школа, которую выбросили из бринеровского особняка.

Старый дом, переживший революции и войны, тихо умирает в мирное время как лишний свидетель эпохи великих потрясений, разглядывая пустыми глазницами выбитых окон быстро меняющийся пленэр.

Примечания

1. *Бабцева И. И.* Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов Музея) // Янковские чтения: матер. конф. 1992, 1994, 1996 гг. / Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева. Владивосток: Фаркон, 1996.
2. *Завадская Марина.* Хунхузы, чиновники и восточная школа // Арсеньевские вести. 2007. 12 дек.
3. *Ким Ир Сен.* В водовороте века. Т. 3. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1993.
4. *Наумов Л.* Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. М. 2006.
5. *Романов Б. А.* Витте и концессия на р. Ялу // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Петроград, 1922.
6. *Спивак Павел.* О сколько тайн и странных совпадений таишь ты, Санаторная... // Арсеньевские вести. 2008. 23 июля.
7. *Спивак Павел.* От разведшколы до восточной школы // Правда Приморья. 2008. № 28.
8. Тиан гайкё гаппо (Краткое ежемесячное обозрение общественного порядка). Б. м., 1940, ксилограф (яп. яз.).
9. Токко гайдзи гэппо (Бюллетень внешней разведки). Токио, 1944. Ноябрь (яп. яз.).

**К статье А. М. Бритвина
«Наследие И. Д. Шадр как культурно-
символический ресурс города Шадринска»**

И. Д. Шадр в своей мастерской работает над скульптурой «Девушка с веслом» (1934 г.)

**К статье В. А. Гайкина
«Уходящий пленэр»**

Фото 1. Дом семьи Бринер в пригороде Владивостока

Фото 2. Б. Ю. Бринер с детьми – Юлом и Верой

Фото 3. Обложка грампластинки «Русские народные и цыганские песни» солистки Метрополитен опера Веры Бриннер (1958 г.)

Фото 4. Юл Бриннер в роли Криса Адамса (к/ф «Великолепная семёрка», 1960 г.)

Фото 5. Ким Ир Сен во время пребывания в СССР. Справа – его первая жена, Ким Чжон Сук, также участница анти-японского сопротивления (1942 г.)